

Вер Москва - 2002 - 28 авг. - с. 4

Один мой знакомый американец, насмотревшись на «туземный» менталитет, поделился забавным умозаключением: «В Штатах пьют для удовольствия, а русские — с гордостью». Тогда мне показалось, что наблюдение довольно точное (хотя это характерно, конечно же, не только для России).

Сия загадочная «гордость» — это как раз то пограничное, на котором алкоголизм — феномен медианский — смыкается с менталитетом — феноменом культурным. В том, что таковое «бушующее пограничье» в нашей Великой Культуре не только существует, но и здравствует (еще как!), сомневаются только люди, оторванные от реальной жизни.

А вот отношение к нему неоднозначное. Бытует, например, устойчивый миф, что без «этого дела» не раскрепощается скрытая в тайниках души «настоящая» genialность. Иными словами, российский муза — эта дама, которую следует хорошенько подпоить... и только тогда она, что называется, «на все согласная».

Миф о том, что «самые лучшие» люди пьют, чтобы противопоставить свою «вольную душу»

тягучей рабской действительности, живуч. Так появилось в нашей литературе восприятие писущего «люмпена», качествами которого стали наделять народ в целом — ведь это так сложилось на сладкую идею необходимости его освобождения. По поводу творчества Горького и Есенина, сделавших многое на этом высоком пути, Иван Бунин писал: «В самом деле, не довольно ли с нас этих русских кудрей, рыланий от нежностей после самого полостатого свинства и вообще «ищущих, протестующих, мятущихся душ».

Увы, существует замеченная наркологами «обратная связь». Мирозащитные под влиянием алкоголя как бы меняет свой знак с плюса на минус. Отношение к миру становится негативным и вместо попыток ПРИСПОСОБИТЬСЯ к реальному миру мы получаем ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ своего «неповторимого внутреннего мира» миру реаль-

ному, который есть враг, идущий на тебя войной. А коли так, то воспевается бегство от жизни в Сказку, Небытие, Рай.

Яркий пример подобного — поэзия Сергея Есенина. Талант всегда более одинок, чем средний человек, ведь найти взаимное понимание ему труднее. Несмотря на то, что делало с психикой Есенина пристрастие к спиртному, он оставил нам много прекрасных, жизнеутверждающих стихов. Конечно, не благодаря, а вопреки тому, что пил, но... Александр Воронский: «Образ Есенина двойится». Владимир Швейцер: «Было два Есенина — один — печальный, надломленный. Другой — обращенный к людям, жизни». Однако с нарастанием алкогольной зависимости «печальный» завоевывал все новые позиции.

«В каждом шаге, в каждой фразе он видел только подвох, каверзу», — вспоминает Вадим Шершневич. Очень симптоматично — он подсознательно ее искал, чтобы взорваться в сладком агрессивном самовелчании: «Ты — говно, а я — Есенин, меня вся Москва знает». «Вам меня учить нечему, вы сами у меня учитесь».

Прислуживая своей «печальной» личности, он сам напрашивался на скандалы, дабы погрузиться в излюбленную обиду. Вел себя откровенно по-хамски, навешивая на себя (не будучи им) то личину антисемита, то личину «контрреволюционности». В данном случае — не по убеждениям (от которых отказывался во вменяемом состоянии), а под влиянием подсознательного импульса. То же — в стихах:

С одной стороны — город превращается у него в «ржавую мреть», но несмотря на совет себе самому «отвести глаза», он все дальше всматривается в бездну. Программа саморазрушения работает все с большим размахом:

Город, город! Ты в схватке

жестокой
Окрестил нас как падаль и мразь.

Но печальная личина шепчет ему «не уходи, ты **ЛЮБИШЬ** это все».

Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.

Здесь налицо четкий симптом. Он любит не город как таковой, а именно «отвратительное в нем», подсознательно выискиваемое. Он («печальная» личина в нем) —

«любит, чтобы ненавидеть». «Самые лучшие поклонники нашей поэзии — проститутки и бандиты». Да — их легко ненавидеть и ловить от этого кайф. Тиски сжимаются для того, чтобы убедить:

Друг мой, друг мой,
прозревшие вежды
Закрывает одна лишь смерть.

В конце концов нормальный «обращенный к жизни» Есенин, почувствовав ужас сжимающегося капкана, взрывается последним криком. Он увидел Черного Человека, он — всерьез испугался:

«Черный Человек спать
не дает мне всю ночь
«...Как рошу в сентябрь
осыпает мозги алкоголь».

Но поздно...
А мистический Черный Человечек так и кружит между нами, напивавшись талантом Есенина и подобных ему, как кровью вампир.

Крик о помощи стал рекламой.

Н. Косову
 не пришло письмо от мамы.
 А у мамы и так мучение, мучение
 потому что ушла из дома.
 Станет ее развешивать ушла.

взростає і падає з висотою,
спадати може на брід,
ти серцю винесена крізь
на вершину гори не вийдеш.

врутитъ, какъ бы мнѣ въ нѣмъ
прощенъ какъ прости мнѣ кровь
О, гдѣ, кому ты мнѣ
ты, Золотые пугачи, давай

тебе бодуна не пропаше,
покошени не чуждени руд;
так правнича криши чаро
с земич не милом уметаше.

С. Времена.

22